

НАНА ФОКС

**МАМА ДЛЯ
МАЛЫШКИ**

ИЛИ НАДЕЖДА В ПОДАРОК

Нана Фокс
**Мама для малышки,
или Надежда в подарок**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775468

SelfPub; 2023

Аннотация

– Мамочка – это ты! – звучит уверенно детский голосок и в меня врезается маленькая рыжая комета лет четырех. Обнимает ручонками мои колени и смотрит снизу вверх такими большими и безумно доверчивыми зелеными глазищами. Дыхание перехватывает, потому что девчушка чертовски сильно похожа на меня в детстве. И меня так и тянет сказать ей: «Привет, доченька!», но это не так. Четыре года назад я потеряла такую возможность, и моя жизнь разделилась на «до» и «после». «До» было все: муж, желанная беременность, свой дом и счастье безгранично. «После»: черная дыра, пустота и одиночество. – Мамочка, пошли скорей, нас там папа ждет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	36
Глава 6	47
Глава 7	58
Глава 8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Нана Фокс

Мама для малышки, или Надежда в подарок

Глава 1

ИГНАТ

– Фаня, – негромко произношу, стягивая одеяло с сонной малышки. – Гномыш, вставай! – наклоняюсь и прежде, чем коснуться губами теплой щеки, втягиваю носом сладкий аромат моего личного счастья – за четыре года ее крохотной жизни я все еще не надышался им и никогда не надышусь.

– Па, ну еще чуть-чуть. – Она зарывается носиком в подушку, разметав по сторонам солнечные лучики своих рыжих кудряшек.

До сих пор удивляюсь, в кого она такая – янтарно-огненная. Моя бывшая жена – блондинка с утонченными, почти аристократическими чертами лица, и глаза у нее серые, я – кареглазый брюнет, а мой гномыш – рыжик с курносым носиком, щедро обсыпанным веснушками, большущими зелеными глазенками и румяными щечками на фарфорово-белом личике.

Было дело, когда мы с женой разводились, я даже сделал тест на отцовство. Результат – девяносто девять и девять в пользу нашего родства. Хотя еще до вскрытия конверта с данными я нутром чуял, что Фаня – моя дочка, и при любом раскладе не отдал бы ее женщине, которая и матерью-то стала только для того, чтобы удержать меня.

– Фаина Игнатовна, подъем! – Уже громче игриво рычу, но в голосе нет и намека на строгость. – В сад опоздаем, и останешься без завтрака, а значит, и без...

– Па! – подскакивает она, как ужаленная, и смотрит на меня таким сверкающим взглядом, словно только что сделала сенсационное открытие суперпилюль от всех болезней. – А пойдем завтра на каток?

Сна ни в одном глазу, будто и не она вовсе несколько секунд назад пряталась от меня под одеяло и недовольно ворчала о раннем подъеме.

От такой прыти я даже слегка теряюсь. Вззираю на дочь и глупо мычу, пытаюсь поспеть за резвыми детскими мыслями, скачущими пинг-понговым мячиком в умненькой головке.

– Пойдем? – умоляюще вопрошает она, подползает на коленках по кровати поближе ко мне и тут же обвивает ручонками мою шею. —Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – тараторит с мольбой в еще сонном голосочке. – Нас там мама будет ждать.

Последняя фраза – словно обухом по голове! Еле сдерживаю крепкий мат из-за моментально воспламеняющейся

ярости. Сжимаю кулаки до хруста костяшек и мысленно перебираю все способы, которыми придушу суку бывшую!

Мама!

Да она не имеет права не то что разговаривать, но и близко подходить к ребенку! У нее нет прав даже пытаться наладить контакт с малышкой. Эта женщина для нас посторонний человек. Данные условия четко прописаны и являются главными в контракте о нашем разводе, которые, кстати, она сама и предложила в обмен на нехилое такое содержание.

– Мама? – как можно спокойнее спрашиваю.

– Да! – Радости нет предела. – Папа, ну пойдем? – продолжает канючить дочь, и в глазах начинают скапливаться опасные озера влаги. – Пожалуйста... – добивает меня, и я соглашаюсь, но помечаю для себя связаться с бывшей и напомнить ей все пункты договора.

– Ура! – Крик радости разносится по комнате звоном хрустального колокольчика.

Малышка с размаху впечатывается в меня всем своим хрупким детским тельцем и прижимается ещё крепче. Что-то мурлычет. Целует в щеки и шепчет без умолку самые искренние слова благодарности. Прижимаю дочку к себе как можно крепче и поднимаюсь вместе с ней с кровати. В горле застревают ком сентиментальности и тех чувств, что словами просто невозможно передать.

– Пошли умываться и собираться, – хриплю я, неся свою самую любимую ношу в ванную комнату.

Умывается Фаня самостоятельно. Чистит зубы, плещется, словно утенок, разбрызгивая воду во все стороны, затем сама же все это и убирает.

Всегда поражаюсь, за что мне достался такой на редкость дисциплинированный и не капризный ребенок. Видимо, это компенсация за то, что воспитываю я ее один, няня у нас редкий гость, и только в те моменты, когда на работе аврал. Бабушка с дедом в соседней области, и к ним мы выбираемся только по праздникам.

– Па! – кричит дочь из своей комнаты. – А Клим сможет забрать меня сегодня из садика? Только пораньше.

Почти одетая, Фаня выходит в прихожую и протягивает мне расческу и резинку для волос.

– Почему Клим, и насколько пораньше? – интересуюсь, расчесывая рыжие непослушные кудряшки и кое-как собирая их на макушке в хвост.

Клим, Клим Филиппович Загорский – многогранная личность. Начнем с того, что он мой друг, крестный Фани и просто хороший человек. Бывший собровец, ныне соучредитель охранного бизнеса – нашего с ним детища. Иногда, вот как сегодня, еще и личный водитель семейства Исаевых, просто моя тачка на пару дней вышла из строя.

– После сна, – отвечает на вторую часть вопроса, да так серьезно, словно диктует секретарю свой план на день. – Нам в Торговый центр заехать надо, – все же разъясняет свое неожиданное требование.

О! А это уже интересно!

– Зачем? – спрашиваю я.

– Папа... – Укор в детском голосочке и взгляд исподлобья заставляют меня нервничать. – Это девчоночье дело, – заявляет солидно, но тут же выкладывает все карты на стол. – Я подарок маме куплю, – с придыханием делится со мной.

Мне сегодня точно нужен будет стоматолог: эмаль на зубах нещадно крошится от усилий, с которыми я стискиваю челюсти, чтобы не крыть последними словами ту, которую и матерью-то назвать нельзя. Ребенок не видел, не слышал и даже не спрашивал о ней с того момента, как наша семья стала дуэтом. Фаня тогда только-только начала ходить.

– Карту дать? – все же предлагаю финансовую поддержку.

– Нет, – категорично обрубает мой жертвенный порыв, – у меня свои есть. Накопила.

Вздыхаю. Достаю из шкафа наши вещи и, одевшись сам, помогаю гномышу застегнуть комбинезон и завязать шарф. Поправляю чуть криво надетую шапку с большим пушистым помпоном, проверяю наличие запасных варежек в карманах и правильность надетых сапог.

– Готова? – уточняю, инспектируя содержимое своих карманов.

– Да! – подтверждает она, забирая с пуфа детский рюкзак.

– Пошли. – Открываю дверь и выпускаю ее первой из квартиры, – Клим уже ждет нас внизу.

– Клим, Клим! – радостно кричит Фаня, вылетая из две-

рей подъезда. – Ты сегодня заберешь меня из садика, и пораньше?

Клим присаживается на корточки и раскрывает перед малышкой объятия; та с размаху в них врзается.

– Привет, принцесса! – Он подхватывает ее на руки и усаживает в автокресло, неизменно стоящее в наших машинах на задних сиденьях. – А папа разрешит?

– Да! Нам с тобой надо в Торговый центр, тот, что рядом с площадью, помнишь? – Дочь тараторит с таким воодушевлением, что у меня сердце кровью обливается от того, как эти неподдельные эмоции предвкушения сказочной встречи рухнут картонным домиком и погребут под валунами безразличия и эгоистичности одной взрослой суки наивную и доверчивую детскую душу.

Но я не позволю этому случиться!

Усаживаюсь на переднее пассажирское сиденье, и пока Клим выезжает со двора, а затем медленно вливается в общий утренний поток, набираю текстовое сообщение бывшей.

«Ты где? У меня к тебе разговор!»

Послание улетает, но галочка о принятии и уж тем более о прочтении, не загорается ни через две минуты, ни через пять, и даже спустя пятнадцать минут в мессенджере тишина. Злость свинцовой тучей затягивает сознание, и только присутствие в машине моей малышки не дает мне сорваться.

– Все нормально? – подозрительно поглядывает на меня

друг.

– Не сейчас.

Он понимающе кивает и тормозит у ворот детского сада. Выхожу и сам отвожу малышку в группу. Сдаю с рук на руки улыбающейся девушке-воспитателю, целую Фаню в лобик и ухожу.

Малышка вполне спокойно относится к такому расставанию. У нас договоренность: каждый должен выполнять свою работу, вот сад – это ее работа.

– И не забудьте, что у нас утренник через три дня! – кричит мне вдогонку девушка.

– Да, папа, ты обещал мне тот костюм, – следом подхватывает дочь.

– Да! – отвечаю одновременно всем.

Вспомнить бы еще, что за костюм. И подарки до сих пор не куплены, а осталось-то всего ничего – чуть больше недели.

Глава 2

ИГНАТ

– Маш, свари нам крепкий кофе, – прошу у секретаря, проходя мимо ее стола в свой кабинет.

Клим тяжелой походкой идет следом, задерживаясь лишь на пару секунд около строгой сотрудницы и выдавая ей дополнительные указания.

– Так, теперь рассказывай.

Друг заходит вслед за мной, плотно прикрывая дверь, затем снимает куртку, бросает ее на диван в зоне отдыха и сам падает в соседнее кресло. Вытягивает ноги вперед, скрещивая их в щиколотках, и вся поза его обманчиво расслабленная.

Он в курсе всех вопросов касательно моего развода, раздела имущества и прав на малышку, поэтому начинать издали и рассказывать ему всю подноготную нет необходимости. Весь треш вырисовывающейся ситуации уместается в нескольких словах.

– Похоже, Алиса решила вернуться в нашу жизнь.

Сажусь в кресло напротив. Вот только так же пофигистически у меня выглядеть не получается. Хотя после услышанного и Клим весь подбирается и тарашится на меня с ошалелым выражением лица.

– Чего? А она ничего не попутала?

– Не знаю. – Прикрываю глаза ладонью, день только начался, а у меня уже башка раскалывается, словно я отработал две смены на станкостроительном заводе под грохот чугунных кувалд.

– Так, давай все сначала и в подробностях. – Клим подается вперед, опираясь локтями о колени и сцепляя кисти в замок. – Откуда информация?

Набираю полные легкие воздуха, задерживаю его в себе на мгновение, словно стараюсь поймать баланс между таким идеальным прошлым и таким пугающим будущим. Громко выдыхаю и рассказываю все, что знаю сам, то есть то, что мне с утра поведала Фаня.

– На сообщение она так и не ответила, и номер недоступен, – заканчиваю монолог.

– Где наш кофе?! – отклонившись немного в сторону двери, кричит Клим так, что слышно, наверно, в соседнем офисе.

– А можно не орать? – В кабинет входит Маша, неся поднос с двумя чашками, сахарницей и тарелкой с бутербродами. – Голос повышать будете на своего секретаря и на солдафонов, что на вас пашут, а здесь попрошу...

– Спасибо, Маш, – благодарю ее, прерывая гневную речь.

– Приятного аппетита, – желает она, глядя на меня. – Через полчаса совещание с начальниками всех отделов, – напоминает и с чувством выполненного долга уходит.

– Может, ты ее уволишь? – в сотый раз предлагает Клим,

устало смотря на закрывшуюся за девушкой дверь.

– Как только ты согласишься обменяться сотрудницами, так сразу и дам ей вольную.

Клим хмурится, вздыхает и, взяв чашку с ароматным напитком, откидывается на спинку кресла.

– Так на чем мы остановились? – уходим мы к нерабочей теме нашего разговора.

– На Алисе и ее...

– И ее возвращении. – Задумчиво потягивая обжигающий кофе, друг щурится, на время отрешаясь от окружающей действительности.

Есть у него такая особенность в работе. Он словно уходит куда-то глубоко в свое сознание, строит там одному ему понятные рабочие схемы, чтобы уже спустя пару минут заявить:

– Действуем так...

До начала совещания мы обсуждаем с ним и вызванным начальником службы безопасности все варианты столь неожиданного возвращения моей блудной бывшей.

– Отчеты по работе моего отдела я скину чуть позже. Пойду пока, по своим каналам пробую, где сейчас ваша «ненаглядная», – вставая с кресла и направляясь к двери, говорит Артем – наш новый начальник службы безопасности.

– И к принцесскиному садику парней отправлю. На всякий случай, – вдогонку ему советует Клим.

Артем кивает, и дверь за ним закрывается. Друг перехо-

дит в зону для совещаний, а в мой кабинет начинают стекаться начальники нескольких филиалов и отделов. Планерку перекладываю на плечи компаньона, а сам гоняю в голове одни и те же мысли: как мне оградить дочь от горького разочарования. Потому что отговаривать моего целеустремленного и в меру упрямого гномыша просто невозможно.

Хотя стоит ли сейчас ломать голову раз, пока я даже не знаю намерений своей бывшей жены? Так что на время прогоняю прочь все, что не касается работы, и вливаюсь в трудовой процесс с удвоенной активностью. В конце года отчето-то дел в разы больше.

Письмо от Артема в личную почту прилетает тогда же, когда на телефоне срабатывает оповещение о полученном сообщении. Разрываюсь между тем, какую депешу открыть первой. Но брошенный мимолетный взгляд на экран яблочного девайса решает данную дилемму на раз. Я спешно провожу пальцем по экрану смартфона, снимая его с блокировки.

«Что ты от меня хочешь?»

Так же, как и я, Алиса не рассыпается в приветствиях и добродушии.

Набираю ее номер, а пока идут гудки, открываю письмо от безопасника. Неплохо поработали. Обширная информация о том, где, с кем, когда и порой даже по какому поводу общалась моя бывшая за последний год.

– Неужели ты по мне соскучился? – раздается в динамике

приторно-сладкий женский голос.

За три года даже отвык от его звучания и сейчас с удивлением отнимаю телефон от уха, проверяя, с тем ли абонентом я настроил невидимую аудиосвязь. Если номер не сменила, то все верно. На том конце Алиса Егоровна, в девичестве – Смирнова, в замужества – Исаева, а сейчас – понятия не имею и не желаю знать, какая.

– Какого, собственно, хрена ты вдруг решила переиграть условия нашего договора?! – хрипло, еле сдерживаясь, задаю ей мучающий меня все утро вопрос.

– Чего? – недоуменно вопрошает она. – Ты попутал, Исаев, или жаба проснулась, и ты решил перекрыть мне положенное по договору содержание?

Узнаю Алису: в мыслях, глазах и голосе – только финансовое благополучие своей искусственно слепленной задницы. Но ее наезд меня несколько не успокаивает. Зная лживую натуру данной особы, верить нельзя ни единому слову, пока не будет подтвержденных, просто железобетонных доказательств ее намерений или не намерений.

– Зачем, а главное, как ты связывалась с Фаней?

– С кем? – Алисино искреннее удивление ядом разъедает мое терпение, – Фаней? Исаев, ты ее зовёшь Фаней?

Мля, и как от такой бездушной стервы мог родиться такой замечательный ребенок, как мой гномыш?! Вот где были глаза того, кто наверху, когда он позволял этой особе женского пола зачать, выносить и родить?!

А где шесть лет назад были мои глаза?

Вопросы без ответов ураганом взметаются в сознании.

– Мне повторить вопрос, или ты наконец-то мне ответишь?

– Ты бредишь, – вздыхает она, словно ей опостылел наш разговор. — Ни с кем я не связывалась. Я четко соблюдаю все условия нашего с тобой соглашения и даже напомню тебе, что если ты, Исаев, сам его решишь нарушить в части выплат лишишься, еще большего. Все, мне некогда.

Связь разъединяется, а я откидываюсь в кресле и на миг прикрываю глаза. Да, деньги для Алисы всегда были на первом месте, и ради них она не станет рисковать, пытаться встретиться или просто пообщаться по телефону с Фаней.

И если это не она, тогда кто? Как? И главное – с какой целью?

Данные вопросы настораживают еще сильнее, нежели предположение о возвращении бывшей в нашу с дочкой счастливую жизнь.

«Зайди ко мне!» – скидываю сообщение Климу, просматривая на мониторе отчет, что прислал Артем.

Написанное подтверждает невиновность Алисы, пусть и остается минимальная вероятность, что мы что-то упускаем. Но в общих чертах все вполне себе в рамках подписанного нами соглашения.

В сообщении говорится, что мать моего ребенка уже больше двух лет живет на побережье теплого моря далеко за пре-

делами нашего государства. Выезжать не планирует, звонков в бывший родной город не совершала, через всевозможные мессенджеры тоже ни с кем, близким к нам, не связывалась.

Чиста и почти невинна!

– Говорит, что не она, – отчитываюсь я, едва Клим переступает порог моего кабинета.

– По собранной службой безопасности информации, – кивает он на монитор, стоящий на моем столе, – тоже все вполне чисто. Тогда что это все значит?

– Ну, вот ты сегодня поедешь Фаню в обед забирать, потом по магазинам с ней прокатишься. Накормишь сладостями, – перечисляю их стандартный план, а друг делает жутко невинный взгляд и качает головой. – Ой, не надо мне тут! – ржу над ним. – Знаю же, как она тебя разводит, а ты с радостью потекаешь.

– А что я могу поделать? Как устоять перед огромными умоляющими глазищами? – пожимает плечами друг.

– Ну, вот и выведает у нее все, – предлагаю ему, понимая, что перед сном и сам могу малышку расспросить, но то будет аж вечером, а мне надо знать как можно быстрее.

Глава 3

ИГНАТ

С самого утра Фаня суетлива и рассеянна. Вскочив ни свет ни заря, умывшись и сменив пижаму на домашний комбинезон, она тарбанит в дверь моей спальни с нетерпеливым криком:

– Папочка, вставай, мы на каток опоздаем!

Нехотя приподнимаю голову от подушки, рассеянно хлопаю рукой по прикроватной тумбе и, когда нахожу телефон, издаю протестующий стон недовольства. Ну как так, а? Как выходной день, так она бодря и, наверно, даже весела уже в семь часов утра, тогда как в будни к восьми еле-еле открывает свои сонные глазки.

– Фаня, иди спать, – бурчу я и вновь зарываюсь лицом в подушку, спрятав под нее руки.

– Ну, вставай же! – не унимается этот человеческий будильник. – Ты же мне обещал, что мы поедем на каток.

– Поедем, – подтверждаю, – но не утром ведь. Сейчас он еще не работает. Вечером. Договорились? Ну, или после обеда, а? – Может, успокоится на этом, и я смогу еще поспать. Вчера был жутко нервный день, и не только по работе.

Клим, забрав Фаню из детского сада, прогулялся с ней, как та и хотела, по Торговому центру, невзначай выведав, кому это она выбирает подарок, по какому поводу и когда

планирует дарить. Ответ моей крошки до сих пор не укладывается у меня в голове. Да и Клим немного в шоке, поэтому будет сопровождать нас на каток – негласно и почти со шпионскими страстями.

– Мамочке, конечно, – беззаботно отвечает Фаня на первый его вопрос. – Она давно еще потерялась, и вот я ее нашла. Мы завтра на катке с ней встретимся.

– И как же ты ее отыскала?

– Во сне, конечно, как же еще!

Вот так вот просто. Просто во сне.

Отговаривать ее я не берусь. Поедем в парк, а там веселье, она заиграется и забудет о мифической матери, явившейся ей в ночном видении.

Прислушиваюсь к тишине за дверью комнаты, прикрываю глаза и, вздохнув, переворачиваюсь на спину. Таращусь в потолок, а из головы не идет предстоящий разговор с дочерью после того, как её ожидания не оправдаются и никакая мама не придет.

Какие подобрать слова, чтобы правильно рассказать и объяснить четырехлетнему ребенку, где ее родная родительница, почему ушла и не желает с ней видеться? Признаться, подсознательно я всегда знал, что рано или поздно этот день настанет, но так старательно гнал прочь эту тему. Ведь нам вдвоем очень хорошо, и Фаня за три года ни разу даже играючи, мимоходом не задавала вопрос: «А где мама?»

И я наивно надеялся, что так будет всегда.

– Тебе кофе или чай? – интересуется дочь, когда я, устав ломать голову в постели, покинул уютные объятия ортопедического матраса, умылся и, натянув домашние штаны, являюсь на кухню.

Самостоятельный ребенок, самостоятелен во всем! Перед ней на столе стоит тарелка залитых кефиром мюсли с орехами и черносливом. Электрический чайник закипает. Она успевает изъять из холодильника и сейчас красиво раскладывает на ломтик поджаренного в тостере хлеба тонко нарезанную ветчину поверх свежего листа салата.

– Спасибо, гномыш! – целую ее в вихрастую макушку, наливаю кипятка и бросаю в него пакетик заварки.

– На здоровье, папочка!

– Чем займемся сегодня?

– Мы же на...

– До того как поедем? – добавляю я, давая понять, что не собираюсь замыливать обещанное.

– Не знаю, – пожимает безразлично плечиками. – А тебе на работу не надо? Я могла бы с тобой поехать.

Глазки загораются азартом. Фани любит бывать у меня в офисе. Всегда занимает кресло секретаря и бесхитростно командует всеми, кто бы ни зашел в приемную. И я бы мог устроить малышке это развлечение на день, только у меня другие планы: не мешало бы прокатиться по магазинам, прикупить подарки близким, заодно подглядеть, что хочет дочь найти под елкой.

– А давай! – заинтересованно соглашается на мое предложение и, едва доев кашу, тут же срывается с места.

Топот детских ножек растворяется в глубине квартиры.

Я тихо улыбаюсь, допивая чай и доедая бутерброды, потом быстро споласкиваю немногочисленную посуду и иду собираться сам, по пути заглядывая в комнату дочери.

Фаня стоит около распахнутого шкафа в одних трусиках и маечке, поглядывая с задумчивым видом на полки и вешалки с одеждой. Прихожу ей на помощь, облегчая муки выбора, и предлагаю под теплый зимний комбинезон надеть ярко-красный удлиненный свитер с оленями и серые утепленные лосины.

– Мы же потом сразу на каток, так что платье не вариант, – киваю я на вещь, к которой малышка тянулась до моего вмешательства.

– Хорошо, – соглашается она, путаясь в рукавах, – тогда платье с собой возьмем. Маме оно обязательно понравится.

– А ты не замерзнешь в нем? – интересуюсь, чувствуя себя обманщиком: хоть я и не даю малышке ложную надежду, но и не разуверяю ее в обратном.

– Па, ну ты чего? – Фаня в недоумении смотрит на меня, только что пальцем у виска не крутит. – В доме же будет тепло.

Это она о новогодней поездке на базу отдыха, что ли? Хмурюсь, но не рискую уточнять. Ерошу ее и без того взлохмаченные волосы, целую в макушку и спешу к себе.

В отличие от дочери с выбором наряда я справляюсь быстрее и спустя минут десять, накинув куртку, выхожу вслед за ребенком из квартиры.

Автомобиль еще вчера забрал из сервиса, так что Фаня занимает свое почетное место в автокресле на заднем сиденье, ставит рядом рюкзачок и всем своим видом показывает, что готова к поездке.

Выходной день многолюдно не только в торговых центрах, но и на дорогах. Тратим чуть больше привычного времени, но добираемся в хорошем настроении до любимого Мега-Мола. В праздничную суету и подарочный ажиотаж вляпываемся с самого порога, и несколько часов пролетают, как одна минута, в приятных хлопотах и веселых пререканиях.

– Как ты смотришь на то, чтобы что-нибудь перекусить? – спрашиваю у дочери, когда, нагруженный десятком пакетов, я опускаюсь на лавку недалеко от фудкорта.

– Да! – радостно верещит Фаня, и усталость, еще пару секунд назад мелькавшая в ее ословелом взгляде, вмиг сменяется предвкушением предстоящего праздника живота. – Пойдем скорее! – Она в нетерпении подпрыгивает на месте. – Хочу котлетку, компот, картошку, пончик и... и...

– Хорошо-хорошо! – смеюсь я. – Все возьмем, только для начала давай ты подождешь меня вон в той игровой зоне, а я отнесу пакеты в машину, – предлагаю малышке и получаю утвердительный ответ.

Оплачиваю час пребывания ребенка в закрытой игровой

под присмотром аниматоров и спускаюсь в подземный паркинг к автомобилю. Весь этот шопинг, развлечения, да и кафе задуманы не просто так. Коварный план рассчитан на то, что дочь вымотается за день, устанет и просто забудет о выдуманной матери и встрече на катке.

Сгружаю пакеты в багажник, вновь блокирую замки и не спеша возвращаюсь в залы Торгового центра. По пути вынимаю телефон из кармана и проверяю почту на бизнес-аккаунте. Что-то откладываю для более детального изучения, что-то удаляю сразу.

Краем глаза контролирую свое передвижение до эскалатора, но как только делаю шаг на первую плывущую вверх ступень, налетаю на кого-то.

– Простите. – Оторвав взгляд от экрана, машинально подхватываю свободной рукой создание, попавшееся на моем пути.

– Ой, это вы меня простите! – извиняется девушка, восстанавливая равновесие и отстраняясь от меня. – Я сама виновата, задумалась, – оправдывается она и поднимается на пару ступеней выше.

Лестница плавно скользит вверх, а я зависаю на рыжих кудряшках незнакомки – таких же огненных и непослушных, как и у моей малышки. Девушка уже стоит ко мне спиной, и за пару секунд, что длилась наша неудачная стыковка, я не успеваю разглядеть ее лицо, но что-то внутри вздрагивает, раскатываясь по телу приятной волной.

Ни разу в жизни не знакомился в общественных местах, не приставал к незнакомым девушкам, чтобы привлечь их внимание, но именно сейчас словно кто-то подталкивает меня, шепча на ухо: «Ну чего ты медлишь? Давай!»

– Девушка! – окликаю ее. Но бег эскалатора заканчивается, она ступает на твердый пол и, свернув в сторону, ускоряет шаг. Спешу за ней, а затем торможу, замечая приветственный взмах рукой, адресованный кому-то, а затем Рыжуля теряется в толпе, оставляя после себя необъяснимое чувство потери.

Хмурюсь, потирая указательным пальцем переносицу. Вздыхаю – видимо, не судьба – и поднимаюсь на следующий этаж, где в бассейне с шариками, радостно вопя, «плавает» моё маленькое огненное счастье.

Глава 4

МАРИНА

– Мариш! – канючит моя сестра, сидя напротив меня за столиком в небольшом уютном кафе, где все уже не просто дышит, а живет и громко вещает о приближении самого любимого всеми праздника. – Мариш, ну, будь человеком, а? – не унимается она. – Ну, забери Барона к себе на новогодние каникулы!

– Нет, нет и еще раз – нет! – категорично стою на своем. – То, что я провожу все праздники дома, ещё не повод навешивать на меня вашего пса.

– Ну, систер, ну блин! – Лиска расстроено кидает чайную ложечку на блюдце, скрещивает руки на груди и, откинувшись на спинку стула, даже отворачивается к окну. Недовольно сопит, надув губы, и в данный момент удивительно напоминает мне своего Барона – французского бульдога забавного персикового окраса с темными пятнами вокруг глаз и на кончиках ушей.

– Лис, ну ты когда его заводила, думала, куда девать будешь, если решишь свалить из дома куда-то кроме нашей дачи?

– Я тогда была не в том состоянии, чтобы загадывать настолько далеко, – с укором в голосе напоминает мне она о том периоде своей жизни.

Да, собака в момент тяжелой личной травмы стала для нее отдушиной, той, на которую можно выплеснуть всю нерастраченную любовь и заботу, получив взамен искреннюю и бескорыстную преданность.

Мне на мгновение становится совестно, и я даже успеваю открыть рот, чтобы, поступившись своими принципами, все же взять животинку к себе, но довольно быстро вспоминаю, что было в прошлое его проживание, и тут же прикусываю язык, не дав словам с него сорваться.

– Есть же приюты, – нахожу альтернативу, отпивая душистый чай из пузатой керамической чашки.

– Угу, – скептически кивает сестра, не разделяя моего энтузиазма. — Ладно, проехали, – все еще обиженно, но уже не так бескомпромиссно закрывает она ею, же заведенную тему.

Пожимаю плечами, отламывая маленькой вилочкой аппетитный кусок мясного пирога. Ноги немного гудят после марш-броска по торговому центру в поисках недокупленных подарков. Устала. Но эта усталость приятная и она не в силах отменить намеченную прогулку по Рождественской ярмарке.

Почти ничто и никто не способен испортить мне предновогоднее настроение, которое в этом году на удивление яркое и с предчувствием какого-то волшебства. Я неспешно допиваю свой чай вприкуску с сытной сдобой. Сестра, все так же дуясь, неохотно ковыряет сладкий десерт. Тему переезда ее «бобика» на временное место жительства в мою од-

нушку мы больше не поднимаем.

На улице уже стемнело. Хотя на часах нет еще и пяти, но зимнее время в наших широтах отмечается короткими днями и длинными ночами – не полярными, конечно, но все же... А еще в этом году выпало на удивление много снега, температура держится чуть ниже нуля, и народ пользуется шикарным подарком природы, гуляя и веселясь на развернувшихся повсюду новогодних площадках.

Яркая иллюминация раскрашивает все вокруг в сказочно-праздничные тона. Звуки праздничных мелодий разносят по воздуху ту атмосферу предвкушения волшебства, которую каждый из нас помнит еще с детства. А ароматы имбирного печенья, безалкогольного глинтвейна и горячего какао, непременно с маленькими комочками воздушного зефира, заставляют даже самого скептически настроенного взрослого поверить в чудо и загадать желание под бой курантов.

– Ну что, на каток? – интересуюсь у Лисы, как только мы выходим из кафе.

– Давай без меня, – отнекивается сестра, видимо, все еще обижаясь.

Останавливаю, торможу ее нервный шаг и заставляю посмотреть на меня. Она никогда не умела вовремя спрятать свои эмоции, вот и сейчас, стоит только мне взглянуть в ее глаза, такие же изумрудно-зеленые, как у меня, я считываю все, что в данную минуту творится у нее на душе.

– Лис! – Строгость в голосе и взгляде с детства срабатывали при серьезном разговоре старшей сестры с младшей.

Вот и сейчас эта тактика не дает сбоя. Лиска с шумом выдыхает скопившееся недовольство, оседает на лавку и, хлопая носом, утирает наворачивающиеся слезы.

– Ну вот что, Марина. Да, Барон целиком и полностью моя ответственность, и я бы взяла его с собой, если бы все документы были в порядке, но... – Она вновь всхлипывает и почти с вызовом вздёргивает подбородок. – Ай, ладно! – вновь обрывает разговор. – Скажу Ване, что не могу с ним лететь. Пусть без меня отдыхает в жарком Тае.

– Василиса, вот не надо крайностей, ладно? Ты еще всех обвини в лишении тебя личной жизни.

– А это не так? Мама вдруг на все праздники решила укатить к своей двоюродной сестре, с которой уже сто лет как не общается. Ты никуда не едешь, но и тебе плевать на мое счастье. Своего нет, и мне не...

И тут сестра замолкает, прикрывает рот ладошкой, а затем вскакивает с лавки и чуть ли не падает на колени передо мной. Успеваю поймать ее на лету, иначе светлые брюки не простят ей встречи со снежной кашей, расплывающейся под нашими ногами.

– Прости, прости, прости! – молит она. – Я не то имела в виду. Мариш, прости! – В ужасе от своих необдуманных обвинений «младшенькая», хватает меня за руку и заглядывает в мое моментально побледневшее лицо.

Она не хотела. Конечно же, не хотела. Уж кто-кто, а Лиска не понаслышке знает, что четыре года назад случилось с моим счастьем и моей такой красивой, словно с картинки, личной жизнью. Сердце до сих пор стягивает колючим обручем от предательства близкого человека, а к горлу подкатывает горечь разочарования, хоть и не такого болезненного, как в первое время, но всё же...

– Ладно, проехали. В этом нет твоей вины, Лис.

Слегка сжимаю ее кисть, вздыхаю и устало улыбаюсь.

– Поехали к тебе, – предлагаю ей, сжалившись, – так уж и быть, возьму к себе твоего троглодита. Но если он будет громко сопеть по ночам, пакостить днем и вообще вести себя не как пес, а как обозревший кот, жить будет на балконе.

– А как же каток? – Радуюсь, что не мытьем так катаньем нашла все же, на кого оставить своего любимчика, сестра теперь полна энергии, а мне совсем уже не хочется даже оставаться в этом урагане праздности и веселья.

Хочу в тишину своей уютной «пещерки». Сварить какао, зажечь огоньки гирлянд на елке, включить любимую добрую комедию и провести выходные под теплым пледом, постепенно возвращая себе то ощущение душевного покоя, которое смогло испортить одно лишь упоминание о крахе иллюзий.

Но я лишь безразлично пожимаю плечами, оглядываясь по сторонам. Наворачивающиеся на глаза слезы щиплют, обливая душу горечью набегающих воспоминаний и разочаро-

ваний.

Еще в детстве я так любила бывать именно на этой Новогодней ярмарке, впитывать в себя ауру сказочного настроения, загадывать желание под напевы сказочных мелодий, грызть жареные каштаны и играть с Лиской в «угадай игрушку на елке». Когда вышла замуж, мечтала родить малыша – все равно кого, мальчика или девочку, – и приходиться с ним сюда. Рассказывать свои детские впечатления, слушать его эмоции.

Но все мечтания рушатся, словно неустойчивая башенка Дженга, когда из, казалось бы, стабильного жизненного уклада вынимают лишь одну составляющую, но ту, без которой смысл во всем моем существовании просто перестает иметь значение.

Боль прошлых ошибок с новой силой вгрызается в душу, покрывая ее тонким слоем инея, когда я только-только решила, что излечилась от тягостной тоски, сжиравшей меня все эти долгие четыре года.

– Мама, мама! – продирается сквозь гул в ушах и шум праздничной суматохи звонкий детский голосок. – Мамочка моя, это ты! – слова летят, словно острые стрелы, пронзают душу и выворачивают ее наизнанку, лишая меня стабильной точки опоры.

Обессиленная, падаю на скамью, прикусываю губу до крови, чтобы не разреветься в голос, но оказавшаяся рядом со мной малышка смотрит на меня с таким восхищением и пре-

данностью, что я через силу глотаю колючий ком в горле и разглядываю её сквозь пелену затуманенного слезами взгляда. Замираю парализованным сусликом, боясь вдохнуть и, не сдержавшись, все же разреветься.

На меня взирает маленькое чудо с большими зелеными глазищами. Рыжие кудряшки в беспорядке торчат из-под вязаной шапки с огромным помпоном. Чуть вздернутый носик усеян россыпью ярких веснушек.

Малышка слегка морщится, и пухлые губки дрожат, словно она вот-вот расплачется.

– Мама, – вновь, только уже еле слышно шепчет девчуля, не сводя с меня глаз. Протягивает ручки в пушистых варежках и касается моей щеки, смахивая набегающую слезинку. – Не плачь, я же тебя нашла.

Не могу оторвать взгляд от этих наивных детских глазок, от этого маленького носика и ярко-рыжих кудряшек. Они, словно мой личный запал бикфордова шнура, что, сгорев, взорвет, к чертям собачьим, налаженную с таким трудом жизнь.

– Малышка, я не твоя мама, – через силу выдавливаю из себя. – Ты меня с кем-то спутала, крошка.

– Нет. – Она уверенно качает головой и хватает мою ладонь, крепко сжимая ее своими маленькими пальчиками, – пойдем, – тянет меня со скамьи куда-то в сторону катка. – Там папа.

Перевожу недоуменно-растерянный взгляд на Василису, с интересом наблюдающую за всем происходящим. У сестры такое выражение лица, что у меня закрадывается подозрение о ее участии в этом спектакле. И если это так, я ни за что ей этого не прощу.

– Не-е-е-ет, – качает она головой, выпучив глаза, будто прочла мои мысли, – Я не при «делах», – все той же бессловесной пантомимой оправдывается она.

– А кто же? – Немой вопрос в моих сощуренных глазах, с подозрением взирающих на нее.

– Не знаю. – Сестра вновь качает головой.

– Мамочка, ну пойдем же! – Малышка вновь старается обратить на себя мое внимание, нетерпеливо дергая за руку.

Перевожу на девчущку растерянный взгляд и, соскребая взорвавшийся мозг в кучку, пытаюсь найти правильные слова для отказа и объяснения.

– Иди, – негромко подталкивает меня Василиса на поступок, продолжая разглядывать крошку, что все еще пытается поднять меня с лавки.

«Я не могу», – даже не шепчу, просто мысленно вопию к ее и своему разуму.

«А почему нет?» – Лиса снова пожимает плечами и вопрошает взглядом, полным непонимания.

– Ну чего же ты сидишь? – нетерпеливо всхлипывает ребенок. — Папа уже, наверно, меня потерял. – В больших зеленых глазках переживание и испуг смешиваются в ядерный

коктейль, а пара капель чисто детской непосредственности служит секретным ингредиентом, способным опьянить с одного глотка даже стокилограммового бугая.

Во мне килограммов вполовину меньше, и мне хватает лишь втянуть носом запах этого пагубного напитка.

Поднимаюсь на ноги, беру малышку за руку покрепче и позволяю вести себя этому маленькому путеводному клубочку. Разум шепчет: «Мы лишь доведем ее до родителя, сдадим с рук на руки и тут же ретируемся. Пусть отец сам разбирается со своей дочкой и объясняет, что нельзя вот так вот запросто подходить к незнакомым людям».

Иду, с горем пополам переставляя вмиг отяжелевшие ноги. Уговариваю себя, что все это просто нелепая ошибка. Прикусываю губу до боли, до кровоподтека, сдерживая рвущийся наружу вопль раненой львицы, лишившейся своего малыша. Боюсь напугать кроху, что так доверчиво вложила свою маленькую теплую ладошку в мою заледеневшую ладонь. Боюсь даже на секунду представить, что, не случись четыре года назад той трагедии в роддоме, сейчас бы я шла за руку со своей дочкой.

– Папа, папочка! – кричит девчушка и сильнее тянет меня вперед.

Откуда берётся столько сил в этом хрупком тельце?!

– Папуля, я ее нашла!

Столько восторга и радости в каждом чуть коряво произнесенном ею слове, но это детское счастье разрывает мое

сердце на мелкие кусочки. Этот наивный самообман лишает силы воли. Мне так хочется закрыть глаза и представить, что все это правда, всё по-настоящему. Я и впрямь ее мама, просто отлучилась на минутку за сладкими горячими пончиками, чтобы есть их потом всем вместе под согревающие звуки разлетающихся по воздуху праздничных мелодий и кристально чистого детского смеха.

Но это не так. Это далеко не так.

– Фаня! – Встревоженный мужской голос так резко контрастирует с окружающей нас беззаботной атмосферой праздника, – Фаня, ты куда убежала?! Нельзя так!

– Я. Её. Нашла! – повторяет ребенок одно и то же с придыханием, кивая на каждое слово. А мужчина в какой-то прострации, стоит перед малышкой на коленях, держит крепко за плечи и словно сканирует ребенка взволнованно-внимательным взглядом.

– Со мной все в порядке пап! – нетерпеливо сопит девушка и тянет меня за руку, стараясь выставить вперед, будто ценную находку.

Мне бы развернуться и уйти. Ведь моя миссия выполнена: ребенок в руках родного отца. Только я стою столбом и путаюсь взглядом в разметавшихся на ветру прядях стильной мужской стрижки. Кончики пальцев покалывает от желания запутаться в них, смахнув со лба непослушную прядь.

– Спасибо вам. – Мужчина поднимает голову, и сердце мое моментально забывает о своей прямой обязанности, рез-

ко падая вниз, а затем подлетая к самому горлу.

«Он красив! Чертовски красив!» – мелькает мысль на задворках сознания. Взгляд его чарующих серых глаз моментально пробуждает ошалелых бабочек в моем животе, тех, что сдохли четыре года назад вместе с наивной верой в любовь до гроба.

Черт! Это так необычно и безумно приятно... было бы, если бы не одно маленькое «но».

Я больше не верю мужчинам. Я сторонюсь отношений. Я не хочу...

– Да не за что, – все-таки нахожу в себе силы ответить и аккуратно высвобождаю свою ладонь из цепкого захвата детских пальчиков. – Ты больше не убегай от родителей, – советую девчужке, стараясь улыбнуться как можно радушнее, – а я, пожалуй, пойду.

– Нет! – Крик малышки острым клинком врезается в душу, застревает комом в горле и срывает плотный саван забвения с похороненных воспоминаний. – Не уходи, мамочка, пожалуйста! – захлебывается она слезами, разрывая мою душу в клочья.

Эти слова, полные отчаяния и боли, эти глаза с океанами непролитых слез. Эта ладошка, с надеждой цепляющаяся за мою руку. И это необъяснимое чувство необратимости и судьбоносности момента.

Глава 5

ИГНАТ

Мой гениальный план умотать неугомонную дочь до беспамятства в Торговом центре с треском проваливается: она не только не забывает о походе на ледовую арену, но еще и время контролирует – научил, на свою голову, в часах разбираться!

Как только мы с аппетитом доедаем последний сладкий блин и я, словно сытый кот, слопавший килограмм свежесвыловленной кильки, откидываюсь на спинку дивана, лелея лишь одно желание – быстрее добраться до дома и завалиться на диван перед телевизором, Фаня начинает суетиться.

– Папа, мы опоздаем! – В её голосе слышится паника, на кончиках пушистых ресниц подрагивают слезинки, отчего мое сердце сжимается, и я вынужден распрощаться с идеей пропустить поездку на каток.

Безропотно поднимаю свой расслабившийся зад, вынимаю гномыша из детского кресла, прижимаю к себе и успокаивающе поглаживаю по начинающей вздрагивать спине. Целую огненную, душисто пахнущую макушку и спешу с дочуркой на руках к эскалатору.

Гардероб, где очередь длиннее, чем в отдел упаковки подарков.

Парковка, выезд с которой – тот еще квест в условиях

праздничного ажиотажа!

Дорога, с запутанным маршрутом, потому что точка нашего очередного развлечения – «там, где на площади елка и большой Щелкунчик!» Четкое и категоричное описание от Фани.

– А где такая? – рассуждаю я больше сам с собой, нежели с малолетним штурманом.

– Не знаю, – расстроено вздыхает дочь, пожимая плечами, и губки её начинают дрожать.

Я не могу ей отказать, не могу авторитарно заявить, что едем туда, где ближе, мол, все равно они все одинаковые. Не могу, по той простой причине, что малышка не манипулирует мной, не истерит, не требует выполнения невозможного.

– Пожалуйста, папочка, – добивает меня своей искренней просьбой.

Киваю, открывая навигатор, включаю голосовой поиск, и за несколько запросов электронный голос выдает нам требуемую информацию. Судя по адресу, ехать нам недалеко. Выставляю координаты и ловлю в зеркале заднего вида довольную детскую улыбку и сверкающие предвкушением зеленые глазки моего любимого гномыша.

– Иди, папочка, – отправляет меня дочь, усаживаясь на лавочку, – я никуда-никуда не уйду, ни с кем разговаривать не буду и буду здесь ждать тебя. Точно-точно.

– Может, все же со мной пойдешь. Как я без тебя коньки буду брать?

Я совсем не разделяю той детской беззаботности, с которой она восседает на трибуне и поглядывает по сторонам. Мне абсолютно не нравится предложенная ею перспектива. Да, Фаня вполне самостоятельный ребенок, для своего возраста она даже очень взрослая. Но ей все же всего четыре года.

– Фаня! – произношу я, стараясь, чтобы мой голос звучал строго и безапелляционно.

– Ну, па! – немного показательно надувает губки моя маленькая и в то же время очень взрослая дочурка. – У меня ножки устали. – Она поднимает правую ногу, а за ней и левую, смотрит на них, затем поднимает несчастным взглядом на меня.

– Тогда, наверное, стоит поехать домой? – резонно интересуюсь и мысленно скрещиваю пальцы.

– Нет! – испуганно вскрикивает дочь, вскакивая с лавки и тут же выказывая свою полную готовность преодолевать любые препятствия. – Папочка, ну, пожалуйста! – жалостно просит, путая мои мысли.

Вздыхаю, капитулирую. Присаживаюсь перед ней на корточки, беру маленькие ладошки в пушистых варежках в свои широкие ладони. Наши взгляды встречаются, несколько мгновений проходят в безмолвном диалоге.

– Так, дорогая, – включаю отцовскую авторитарность, грозно сдвигаю брови к переносице и, не позволяя ей размыкать наш зрительный контакт, действую, словно профессио-

нальный гипнотизер. – Ждешь меня здесь! Никуда с места не двигаешься! Ни с кем не разговариваешь! Никому не доверяешь! Я вон в той очереди. – Машу в сторону небольшой группы людей, продолжая напутствовать малышку, а затем пересаживаю ее на трибуне катка так, чтобы иметь возможность видеть её с любой точки спортивно-развлекательного сооружения.

– Хорошо! – бодро отвечает она, вертя головой по сторонам, словно кого-то высматривая.

– Я пошел. – Поднимаюсь на ноги, но с места не двигаюсь.

– Я сижу здесь, ни с кем не разговариваю, никуда не уйду, – повторяет она, как мантру, кивая при каждом утверждении.

Еще раз оглядываюсь и спешно удаляюсь к киоску проката спортивного инвентаря. Народу около него не так уж много, да и двое парней работают достаточно бодро, обеспечивая всех желающих нужной экипировкой.

Посекундно оборачиваюсь, проверяя на месте ли Фаня, а она машет мне в ответ ручонкой. Но секунда – обманчивая величина: стоит только мне замешкаться, выбирая между фигурными коньками с ботинками белого цвета и их собратьями, только розового, как та, для кого я их выбираю, пропадает.

Вначале мне кажется, что я просто не туда смотрю, что путаю лавочки и Фаня сидит чуть дальше или ближе. Но нет! Ее нет ни правее, ни левее, ни выше...

Её нет ни на одной из лавочек и даже рядом. Нигде! Моей малышки словно след простыл.

– Вы не видели здесь девочку в розовом лыжном комбинезоне и вязаной шапке с огромным помпоном? – мечусь я между развлекающегося народа.

Паника накрывает меня все сильнее с каждым произнесенным «нет» в ответ на мой вопрос.

Такого страха и отчаяния я не испытывал уже... Да никогда я такого не испытывал! Чувство безысходности, ужаса и даже бессилия тяжелой бетонной плитой давит на грудь, мешая дышать, а заодно и рационально мыслить.

Вдох – выдох...

Вытаскиваю из кармана телефон и набираю номер Клима. Где он вообще шляется?! И парни, приставленные Артемом, где? Уволю всех, к чертям собачьим! Вот только найду свою крошку, и полетят головы с плеч!

Злюсь на все и всех, а больше на самого себя. Быстрым, размашистым шагом иду в сторону администрации, пока мой слух нервируют монотонные гудки в телефонной трубке. Ожидание убивает последние нервные клетки.

– Ты где?! – ору на друга, как только он отвечает на звонок. – Фаня пропала! – продолжаю громко и очень возмущенно вопить, не дожидаясь от него ответа. – Какого ...

Такого отборного мата за все время нашей с Климом дружбы в своём исполнении я и припомнить не могу.

– Я на стоянке застрял в пробке, – выдохнув, сообщает

друг. —Администрацию найди, — четко ставит задачи, глуша мою панику.

– Без тебя... – рычу, но тут же удерживаюсь от готовой слететь с языка грубости.

Клим не виноват в том, что я про... потерял любимую малышку.

– Уже ищу, – отчитываюсь перед ним и продолжаю бег по пересеченной местности.

Но, сделав пару шагов, торможу, прислушиваюсь. Сквозь громкий стук взволнованного сердца до обостренного слуха долетает знакомый детский голосок.

Оборачиваюсь. Напрягаю слух еще сильнее, словно борзая на охоте, и краем сознания молюсь, чтобы это не оказалось просто слуховой галлюцинацией.

– Папочка! – все четче звучит призывный оклик, и я всматриваюсь в толпу.

Замираю. Не разбирая ничего вокруг, взглядом выделяю из людского потока только ее – мою малышку, спешащую ко мне.

– Нашлась, – сипло слетает с моих губ.

– Что? Что ты там бормочешь? Охрану комплекса ищи и...

– Фани нашлась, – обрываю командные распоряжения Клим.

Отключаю связь и прячу телефон в карман, чтобы тут же, в два больших и нетерпеливых шага, сократить расстояние,

отделяющее меня от дочери. Сердце неудержимо колотится в груди, отдаваясь гулом в ушах.

Падаю перед ней на колени, не обращая никакого внимания на снежную чашу под ногами, наплевав на то, что джинсовая ткань моментально промокает, противно приликая к коже. Холод пробирается по коже мурашками.

– Ты где была, Фани? Зачем ушла? Я же... – Задыхаюсь от схлынувшей паники, но внутренний страх еще не отпускает.

– Папочка, ну прости. – Глазки невинные, губки чуть дрожат, но взгляд такой решительный, и сожаления в нем практически нет.

Осматриваю ее чуть пристальнее, переводя дыхание и успокаиваясь.

– Я маму нашла. – Три простых слов выносят дух похлеще пропущенного на ринге удара по печени.

Медленно отрываю взгляд от дочери и перевожу его на ту, что стоит за ее спиной. Зубы стиснуты так крепко, что челюсти сводит от напряжения. Контролирую лишь сжатие пальцев, все еще лежащих на детских плечах, боясь причинить малышке боль.

Готовый стоять насмерть за свою дочь, я не желаю появления в нашей привычной и хорошо налаженной жизни, той женщины, которая когда-то была моей женой и умудрилась родить абсолютно не похожую на нее рыжую малышку. Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы послать эту суку в дальний эротический, сразу, как только выясню, какого хре-

на она вчера врала и все же как-то умудрилась явиться в нашу жизнь.

Почему-то о том, что за спиной моей малышки может стоять совсем другая женщина, у меня даже мысли не возникает. А когда мой успевший стать свирепым взгляд скользит по незнакомому лицу и спотыкается на огромных зеленюющих глазах, я просто сдуваюсь, словно лопнувший воздушный шарик.

– Спасибо, – все, что могу произнести, охрипшим от неожиданности голосом.

Время словно на миг теряет свою быстротечность, а я залипаю на разглядывании женского лица в форме сердечка, с высоким лбом, чуть курносый носиком, и я не сомневаюсь, что, если хорошо приглядеться, на нем можно разглядеть россыпь золотых веснушек – в точности как у моего гномыша. И губы такие же пухлые, и легкий румянец на щеках не от мороза на улице. Большие глаза изумрудного цвета, пушистые ресницы чуть нервно вздрагивают. И кудри, такие знакомые янтарно-рыжие завитушки выглядывают из-под шапки.

Стукните меня, иначе я просто не поверю, что не сплю, что солнышко, стоящее передо мной, настоящее и один в один похоже на мою дочь, только во взрослом ее воплощении.

Пока я пребываю в какой-то необъяснимой прострации, в параллельной вселенной, в нереальности, Фани дергает меня

за рукав, пытаюсь привлечь внимание, а с пухлых губ незнакомки слетают какие-то слова. Я их не слышу, временно утерев нить происходящих событий. Лишь детский истошный крик ультразвуковыми волнами резонирует в пространстве, выкидывая меня из параллельной вселенной.

– Не-е-е-ет! – надрывается малышка, хватая девушку за рукав. — Не уходи, мамочка! Мое сердце разрывается от этой мольбы и ощущения бессилия, вновь свалившегося на меня громадной ледяной глыбой.

Во всем, что сейчас происходит, только моя вина. Моего малодушия и страха.

– Фаня, детка, это не твоя мама, – чуть встряхиваю дочку, стараясь поймать ее взгляд.

– Неправда! Ты врешь! – кричит она, заливаясь слезами и собирая вокруг нашего странного трио толпу зевак.

Как же это тяжело – рушить детские надежды, веру в придуманную сказку и заветные мечты! Но жизнь часто несправедлива именно к таким милым, наивным, целеустремленным и правильным девочкам.

– Малышка! – повышаю голос на пару тонов только лишь для того, чтобы докричаться до нее. – Маленькая моя, это, к сожалению, правда.

Она вырывается, продолжая возмущенно кричать, мотает головой и повторяет, как заклинание, одну и ту же фразу:

– Она моя мама!

У нее начинается истерика. Тельце вздрагивает, трясёт-

ся в припадке. Слезы ручьем катятся по щекам. Всхлипы рвут мое сердце. Но умалчивать, а тем более врать нет никакого смысла. Раз этот вопрос поднялся так болезненно, так неожиданно и абсолютно не вовремя, его надо закрыть одним махом.

Сегодня!

Сейчас!

Раз и навсегда!

Правда, как вода, всегда найдет брешь и просочится.

– Фаня, солнышко...

Вновь пытаюсь пробиться сквозь воздвигнутую крошкой броню уверенности в выдуманной ею «правде».

– Послушай меня... – Я теряю контроль над ситуацией и от этого нервничаю еще больше. – Давай поговорим. Мне стоит тебе рассказать... — Ощущение такое, словно я ступаю на тонкий-тонкий лед и он вот-вот провалится у меня под ногами.

Замолкаю, подбирая правильные слова и набираясь смелости. Боже, я никогда еще за всю свою сознательную жизнь так не боялся разговора. И с кем? С собственным ребенком! С дочкой, которая смотрит на меня, как на супермена, обожает мультики о щенятах-спасателях, и самой большой трагедией в ее еще совсем короткой жизни было осознание того, что настоящие щенки не разговаривают. Она тогда ревла захлеб и искала утешения в моих надежных объятиях, но купленное облако сладкой сахарной ваты мигом излечило

все горести.

Сейчас на меня смотрят те же глаза – большие, влажные, искренне верящие в моё всемогущество. Только боюсь, в этот раз вата и сильные папины руки не исцелят от разбитой вдребезги мечты.

– Солнышко... – Мелодичный женский голос вкрадчиво вклинивается в наш временно бессловесный диалог. – Я не уйду, обещаю.

Незнакомка присаживается и ловит взгляд ребёнка, поправляет шапку на голове малышки и утирает ручейки слёз с ее щек. Затем раскрывает объятия, и моя маленькая рыжая комета с размаху врезается в нее.

– Это кто? – тут же раздаётся над самым моим ухом грозный бас Клима.

– Мама, – хриплю я, сглатывая подступивший к горлу ком.

– Та, что из сна? – подозрительно щурится он и с недоверием поглядывает на душещипательную инсталляцию. – Паспорт надо бы глянуть и пробить по базам...

– Клим, – осаживаю взывавший в нем профессиональный инстинкт.

– Что «Клим»? – ничуть не тушует он. – Лучше, как говорится, перебдеть...

Глава 6

МАРИНА

«Что ты творишь?!» – истерически орет мой разум, но я его игнорирую.

«Правильно! Ты все правильно делаешь», – противоречит разуму сердце, и я с ним солидарна.

Опускаюсь перед малышкой на корточки, так, чтобы наши идентично зеленые глаза были на одном уровне. Смотрю в ее огромные озера и почти задыхаюсь от перехватывающих горло чувств. Еле сдерживаю слезы, хотя самой так хочется составить крошке компанию и залить солеными слезами еще один каток.

– Я не уйду. – Теплая улыбка растягивает мои губы, а голос едва дрожит от принятого только что решения.

Кто-то скажет, что я поступаю безответственно, необдуманно, что надо рубить этот гордиев узел одним четким ударом. Не затягивать, давая ребенку ложные надежды. И, скорее всего, это правильно, но...

Но на каком-то интуитивном чутье я выбираю именно этот путь. Верю, что все неспроста и кто-то сверху обязательно поможет нам разобраться в этой запутанной ситуации. А пока... пока я побуду мамой, пусть и эфемерной.

– Правда-правда? – всхлипывает девчушка, утирая мокрый нос своей пушистой варежкой.

– Правда-правда! – киваю и достаю из рюкзака пачку бумажных носовых платком. – А сейчас давай вытрем твои щечки, чтобы слезинки на морозе не превратились в льдинки.

Старательно промокаю соленые ручейки, вытираю носик и что-то еще болтаю, утешая малышку. Нервный треп всегда накрывает меня в минуты растерянности и какой-то беспомощности.

– И на коньках пойдем кататься? – с легким недоверием интересуется она, затаив дыхание.

– И на коньках, – не разочаровываю ее и поражаюсь, как быстро детское сознание способно перестраиваться.

От зареванной, потерянной малышки не осталось и следа. В глазах задорно пляшут чертенята, сам ребенок в нетерпении перетаптывается на месте, и только то, что я пока еще сижу перед ней на корточках, удерживает крошку от стремления рвануть с места реактивной ракетой.

– Вот только щечки твои и носик кремом намажем, чтобы мороз их не покусал.

Убираю платки и достаю детский крем. Всегда в зимний период он имеется в моей сумке – лучшее средство от обветриваний.

– Вкусно пахнет, – довольно щурится девчушка и улыбается еще шире.

Ну вот, все процедуры завершены, и мне уже нет повода сидеть все в той же позе. Но отчего-то подниматься и

смотреть в лицо мужчине мне страшно до колик в животе. Страшно увидеть в его карих глазах упрек. Услышать, что вот это мое благородство и вранье нафиг им не нужны, что и без меня они прекрасно справятся, а мне стоит заняться своей личной жизнью.

Вот только нет ее у меня. А материнский инстинкт, накопленный за месяцы счастливой и очень долгожданной беременности, не растрочен ни на грамм. И именно сейчас он необузданным фонтаном вырывается из самых потайных мест моей уставшей души, хлещет горячим потоком по венам, туманит мозг и подстегивает действовать так, как велит сердце.

Как там любила говорить одна героиня маминого любимого кинофильма? «Я подумаю об этом завтра!»

Вот я и включу мозговую деятельность позже, а сейчас...

Сейчас я медленно поднимаюсь, не отходя от малышки ни на полшага. Она тянется и тут же хватает меня за руку. Улыбаюсь ей, и мы вместе оказываемся лицом к лицу с ее отцом.

– Папочка, мы с мамочкой будем кататься на коньках! – подпрыгивая на месте, беззаботно восклицает малышка. – Пойдемте уже скорее, пока все коньки не разобрали!

А пока ребенок делится самой радостной новостью, ее отец взирает на меня с неким удивлением, и если это не искажение реальности из-за разноцветной иллюминации, то в глубине его глаз мелькает толика восхищения. Добрая улыбка

ка чуть касается его губ, и я на мгновение теряюсь в буре эмоций.

– Хорошо, Фаня. – Он делает шаг, вставая очень-очень близко ко мне, а затем чуть подается вперед. – Спасибо! – выдыхает он, обдавая горячим дыханием мою щеку. – Мы теперь заговорщики и будем вместе как-то выкручиваться из этой непростой ситуации.

В ответ я лишь киваю. Голосовые связки предают меня и, кроме хрипа, ничего выдать вразумительного не могут. Так что я пока помолчу. Сглатываю подкативший к горлу ком. Втягиваю носом морозный воздух с терпкими нотами волнующего мужского парфюма. Голова идет кругом, а в ушах легкий гул. Удивительно, как я вообще смогла расслышать то, что говорит отец малышки. Сердце стучит так громко, что кажется, заглушает все другие звуки, окружающие нас.

Прерывистый вздох слетает с моих пересохших губ, когда, словно невзначай разжумянившейся кожи касается колкая щетина. Мир словно на мгновение замирает. Еще чуть-чуть, и его губы коснутся моих...

– А как вас зовут? – Неожиданный вопрос грубо врезается в хрупкую стену хрустального купола, успевшего нависнуть над нами. Со звоном бьющегося стекла он рушится, возвращая все посторонние звуки, выбрасывая меня в реальность.

– Клим! – Звонкий голосок малышки звучи раньше, чем мы с ее отцом успеваем среагировать. – Мою мамочку зовут

Марина, – произносит она с уверенностью знатока в интеллектуальной игре, выбивая тем самым почву у меня из-под ног.

Я чуть пошатываюсь, но крепкая мужская рука успевает поймать меня и прижать к мощному телу.

– Откуда она знает? – удивляюсь очень тихо, почти мысленно и не жду ответа.

– Не знаю, – шепчет не меньше моего обескураженный отец этой удивительной крошки.

– А паспорт ваш можно? – не унимается дознаватель, стоящий в шаге от нашего трио.

Хмурый, настороженный взгляд сканирует меня так пристально, словно подозревает во всех нераскрытых аферах этого столетия, а заодно и прошлого. Озноб пробегает по телу от его внимания к моей персоне.

– Клим, – осаживает его до сих пор так и не представившийся, но при этом все еще не выпускающий меня из объятий мужчина.

– Ну, мы на каток-то идем? – нетерпеливо возвращает к себе внимание виновница всей этой кутерьмы.

– Конечно! – цепляюсь за возможность выпутаться из плена таких надежных рук.

Перехватываю детскую ручку поудобнее и делаю шаг в сторону катка. Только на секунду торможу около мужчины, привстаю на носочки и почти уверенным голосом произношу:

– Марина Евгеньевна Чудова, – представляюсь я. – Приятно познакомиться, Клим...? – делаю многозначительную паузу, в ожидании его взаимно вежливого ответа.

– Угу, – не поддается он на мою провокацию.

– Игнат, – вновь как-то интимно-тихо звучит над самым ухом голос моего временного подельника. – Очень приятно, Марина, – прокатывает он мое имя на языке, словно пробует что-то новое и экзотичное.

Киваю, смутившись. Чувствую, как щеки заливает обжигающим румянцем, и сердце бешено колотится. Я, будто у меня ангина, с трудом выталкиваю из себя вежливое «Взаимно!» и тут же старательно переключаю все внимание на малышку.

Девчушка топает рядом, ежесекундно поглядывая на меня с волнением и легкой неуверенностью. Словно ребенок, получивший долгожданный подарок, но все еще сомневающийся в произошедшем чуде, она старается убедиться, что все происходящее— правда. И мне ничего не остается, как просто улыбаться ей в ответ, безмолвно подтверждая: «Да, малыш, чудеса иногда случаются!»

Она кивает в ответ, одаривая меня улыбкой, от которой просто ноги подкашиваются, а в душе образуется огромная черная дыра тоски и самообмана. Ну и пусть. Я взрослая, я переживу, заштопаю и буду жить дальше, но ни за что не выпущу сейчас ее маленькую ладошку, сжимающую мою руку бульдожьей хваткой.

Откуда только в хрупкой крохе столько недюжинной силы?

Меня снова штормит от бури неподдельных эмоций. Сглаживаю ком растроганности, сдерживая слезинки в уголках глаз, и делаю один большой-большой вдох, а после – выдох, успевая мысленно досчитать до десяти. Незатейливая процедура релакса помогает немного сбить накал чувств и усмирить бешено стучащее сердце, стремящееся расколотить мою грудную клетку.

– Ну что, ты знаешь, где здесь коньки выдают? – интересуюсь у малышки.

– Да! Пойдем скорее, пока красивые не забрали! – радостно кричит та и ускоряет шаг.

Она тянет меня за собой, точно тягач. Я лишь успеваю обратить внимание на то, что Игнат отстал от нас и о чем-то беседует с Климом.

– Мы с тобой так папу потеряем, – торможу детский стремительный бег.

– Да нет! – беззаботно отмахивается она. – Он же знает, что мы кататься пошли.

Фаня чуть хмурит бровки, выражая нетерпение, и поглядывает в сторону будки проката. Там и впрямь образовалась очередь, да и на ледовом поле немало желающих проявить себя в мастерстве почти фигурного катания.

Я замираю в нерешительности. Оборачиваюсь на отставших от нас мужчин, затем кидаю взгляд на оживленную люд-

скую «змею» около киоска со спортивным инвентарем.

– Ладно, – соглашаюсь я, – пойдем, зайдем очередь.

– Пойдем! – поддерживает меня Фани, кивая и степенно шествуя рядом со мной, как только я возобновляю наше с ней передвижение.

Встаем так, чтобы нас было хорошо видно мужчинам, стоящим в нескольких метрах от катка и очень эмоционально что-то обсуждающим. Нервная дрожь пробегает по телу при мысли, что разговор их касается именно меня.

– Ты не бойся, папа тебя не обидит, – успокаивает меня девчушка, словно считав все мои мысли, как сканер штрих-кодов на кассе гипермаркета. – Он хороший. Да и Клим тоже.

– Да? – Слова сомнения слетают с моего языка раньше, чем я успеваю его прикусить.

– Да, – уверенно защищает Фани крестного. – Просто от него недавно ушла жена, вот он и... – Она замолкает, выискивая в своем еще не сильно объемном словарном запасе подходящее слово.

– Недоверчивый, – подсказываю я.

– Ага, – кивает она, – подозрительный, – добавляет. – А вообще хорошо, что она ушла. Она была такой противной! – Фани морщит носик.

– Кто? – теряю нить детского повествования.

– Жена у Клим, – чуть повышает голос малышка. – Она всегда со мной сюсюкалась, будто я маленькая. – На детском личике отражается такая гамма неподдельных негативных

эмоций, что я непроизвольно улыбаюсь.

– А ты не маленькая? – шутливо поддеваю ее.

– Нет, конечно! – возмущается она. – Мне скоро пять!

– Ой, прости! Конечно, ты уже большая, и с тобой не стоит сюсюкаться! – соглашаюсь с ее утверждением.

– А еще, – продолжает она нашу доверительную беседу, – когда думала, что никто ее не видит, делала вот так. – Малышка, так и, не отпустив мою руку, сотрясается в подобии эпилептического припадка, искренне изображая, видимо, брезгливость той, что на публике изображала максимально искреннюю любовь к малышке. – Но я всегда говорила Климу, что она нехорошая, – перестав трястись, вновь как ни в чем не бывало возвращается она к разговору. – И хорошо, что она ушла. У него другая будет. – От этой доверчивой и наивной улыбки и теплоты, с которой она произносит эти слова, мне вдруг становится немного не по себе, будто малышка провидица, гадалка с хрустальным шаром, словно она видит все наперед и знает то, чего не знаем даже мы, взрослые.

Наш странный разговор прерывает парень из проката, и я безмерно рада этому факту. С удвоенным энтузиазмом помогаю девчужке выбрать коньки.

– Еще папе надо взять, – заботливо напоминает мне Фани.

Замираю в нерешительности, переглядываясь с сотрудником проката. Неловко так получается: он-то не знает, что мы не семья, а я понятия не имею, какого размера у него...

– Сорок третьи, пожалуйста, – раздаётся над моей головой уже знакомый бархатный голос.

– Хорошо, – кивает парень и уходит за коньками.

– Все хорошо? – интересуется Игнат, вглядываясь в мое лицо. – Фани вас не заболтала?

– Ну, папа, – обиженно дуетса малышка, сопит и хмурит бровки. – Я не болтушка.

– Нет, конечно, – спешу успокоить одного и заступиться за другую. – Все хорошо. А где ваш друг? – уточняю, оглядываясь по сторонам.

– У него дома куча дел перед Новым годом, поехал разгребать. – То, что он лукавит, мне понятно, но развивать эту тему я не считаю нужным.

Берем выданный нам спортивный инвентарь и заходим в помещение с множеством шкафчиков. У нас один на всех, в нем мы и оставляем свою обувь. Игнат помогает малышке зашнуровать коньки, и та тут же рвется в «бой». Еле успеваем поймать ее около двери, очень быстро экипировавшись сами. А когда выходим на лед, то оказывается, что из нашей тройки более или менее сносно на этих скользких полозьях может стоять только Игнат.

Мы с Фани цепляемся за него с двух сторон.

– Ты как давно на катке были? – интересуется мужчина, поддерживая меня одной рукой за талию с доброй усмешкой на красивых губах.

– Давно, – честно признаюсь, крепко хватаясь за эту са-

мую надежную руку.

– Заметно! – веселясь, поддевает он меня.

Фани задорно хохочет, смело отталкивается от отца и, как маленький несмышленный олененок на тонких ножках, неустойчиво, но очень целеустремленно катится вперед. Игнат немного напрягается, готовый ринуться в любой момент на помощь дочери, но не мешает ей.

Так мы и катаемся, то падая, то цепляясь за бортики, то, словно обезьянки, повисаем на самой надежной опоре – Игнате, едва перебирая «лапками» по скользкому льду.

– Все! – выдыхается первой Фани. – Хочу в кафе.

Глава 7

ИГНАТ

Я давно не ищу серьезных отношений с женщинами. В груди ничего не екает при встрече даже с самой шикарной и фигуристой красоткой, разве что в брюках становится некомфортно. Но для решения данного неудобства не обязательно заводить постоянную партнершу.

Достаточно иметь под рукой телефон с внесенным в телефонную книжку номером элитного эскорт-агентства, оплаченный и закрепленный за нашей фирмой номер в гостинице. Остается лишь освободить пару часов и заказать ужин. А дальше – все по привычной схеме.

К восьми вечера я уже дома, купаю Фани, читаю сказку перед сном и, поцеловав ароматную, пухлую щечку единственной и горячо любимой дамы, заваливаюсь в собственную кровать. Спать еще со студенческих лет, предпочитаю дома, в своей постели и один.

Единственной женщиной, для которой я сделал когда-то исключение, была Алиса.

Полгода знакомства, встреч и ухаживаний. Уже после месяца активного общения и первого секса она как-то ненавязчиво задержалась вначале на всю ночь в моей спальне, а затем, как-то незаметно, и в моей квартире. Дискомфорта ее присутствие не вызывало, и я решил, что, может, это и есть

«любовь» и то самое «вместе и навсегда». Дал себе время на обдумывание, а затем купил кольцо с кучей дорогуших камешков, заказал ужин в ресторане с видом на Эйфелеву башню и спустя месяц поставил размашистый росчерк в документах о заключении брака.

Несколько лет вполне себе счастливой семейной жизни не предвещали такого странного и в чем-то даже нелогичного ее завершения. Рождение долгожданной малышки не сплотило чату Исаевых, а наоборот.

Еще с первых дней беременности наши отношения с Алисой претерпели кардинальные изменения: разные спальни, разные режимы питания, отдыха, сна, в конце концов. Вначале я списывал на гормоны и старался понять и помочь, а в ответ выслушивал лишь необоснованные обвинения и истерики.

Менять ее было бесполезно, и я просто свыкся. А когда Алиса заявила о том, что хочет развестись, выкрикивая мне в лицо признание, что не любит, да и не любила меня никогда, даже не стал препятствовать ее демаршу из моей жизни. Единственное чего я не позволил бывшей сделать, так это забрать у меня мое солнышко – Фани.

Нет, я не был деспотом, желавшим таким образом отомстить нелюбимой жене. И если бы я видел хотя бы зачатки материнской любви и проявление того самого инстинкта, то, стиснув зубы, переборол бы свои собственнические замашки и оставил малышку с матерью.

Но нет, ничего этого и в помине не было! А когда она сама предложила компромисс – она отказывается от дочери в обмен на ежемесячные выплаты на ее безбедное существование, я убедился окончательно, что поступил правильно.

Подписал все документы, составленные проверенным юристом так, чтобы обезопасить себя и ребенка от любых посягательств со стороны бывшей жены. Продал наш дом, купил отличную квартиру и начал новую жизнь, в которой для женщин было отведено лишь несколько часов в моем плотном графике и лишь для удовлетворения моих мужских желаний.

Никто не жаловался. Всех всё устраивало. Я доволен.

Менять что-либо просто нет необходимости.

Точнее, не было до сегодняшнего дня. Вот до этих самых минут, когда в мой привычный мир, словно свежий весенний ветерок, впорхнула яркой бабочкой рыжая Комета.

Озера ее зеленых глаз магнитом притягивают к себе. В них хочется нырнуть, погрузившись с головой в водовороты чувств и эмоций. В душе теплом откликается каждое движение, вздох и трепет растерянности. Желание притянуть Рыжулю к себе, обнять, спрятав от всего мира, и изгнать из глубины манящего взгляда необъяснимую боль и потерянность нарастает с каждой секундой в геометрической прогрессии.

Что это? Новогодний вирус? Укол волшебной улыбки, которую Марина дарит моей малышке, стирая слезинки с ее влажных щек?

Такого раньше никогда не было, хотя не раз уже за время моего одиночного отцовства «невинные» милашки пытались пробить броню моего аскетизма при помощи заигрывания с прелестной малышкой. Только Фани всегда твердо стоит на своем: прочь лапы от меня и, как следствие, от моего папы! Она у меня та еще собственница!

Но то, что происходит сейчас – это ли не знак свыше? Нет, конечно, о свадьбе и семейном счастье речи не идет. Но, кажется, пришла пора что-то менять в жизни.

– Ты в своем уме?! – шипит Клим, дергая меня на себя, когда девочки начинают двигаться в сторону катка, а я, естественно, планирую не отпускать их от себя. – Ты же не знаешь, кто она такая!

– Ну, вот и узнаю, – торможу, позволяя рыжему дуэту отойти от нас на расстояние «тишины»: не хочу, чтобы кто-то из них услышал наш с другом спор.

– Игнат! – В его голосе слышится грозное предупреждение и просто тонна недоверия. – Тебе Алиски мало?

Ох, мля, нет! Алиски мне было выше крыше! И правда, я бы и сейчас нашел, что сказать дочери и как расстаться с Мариной в ту же минуту, как только она изъявляет намерение нас покинуть. Но что-то екает в груди при взгляде на Рыжулю. Что-то не дает мне выдрать слабые росточки доверия моей крохи именно к этой женщине. Что-то подталкивает шагнуть в пропасть неизведанного и посмотреть, что из всего этого получится.

– Я соберу на нее всю информацию! – угрожающе басит Клим.

– Собирай, – беззаботно пожимаю плечами, – только мне раскроешь ее лишь в том случае, если Маринино присутствие в нашей с Фани жизни будет угрожать серьезной опасностью.

– Ты придурок! – недоверчиво качает головой Клим.

Молчу в ответ, поглядывая в сторону девчонок. Они уже подошли к ларьку проката и даже, вроде, успели выбрать коньки.

– Ладно, – чуть смягчается друг, – вали к ним! – толкает меня в плечо, крепко пожимая при этом мою ладонь. – Но бди! – И назидательно так взмахивает указательным пальцем.

– Пошел ты в баню, Загорский! – добродушно ржу, подружески приобнимая его за плечи по-дружески. – Но, так и быть, вечером отчитаюсь, – снисходительно обещаю и, попрощавшись, бегу к забавной рыжей парочке.

– Сорок третий, – сообщаю парню из проката, спасая растерянную Рыжулю.

В ее глазах вспыхивают огоньки облегчения, а с губ слетает тихое:

– Спасибо!

– Папа! – восторженно кричит Фани. – Папуля, смотри, какие розовые у меня коньки!

– Красота! – восхищаюсь я, подхватывая малышку на руки. – Сама выбирала?

– Да! – кивает она. – А для мамы таких нет, – моментально грустнеет она.

– Ну, если честно, – вступает в разговор Марина, – я розовый не люблю, – признается с придыханием, словно открывает для Фани самую секретную тайну.

– Да? – удивленно таращится та. – Честно-честно? – не верит малышка в столь странную особенность.

Да и правда, как это можно не любить розовый цвет?

Глупая улыбка, растягивает мои губы, пока я наблюдаю за их доверительным общением. Внутри необъяснимый штиль, словно происходящее – вполне себе привычная сцена из нашей семейной жизни. Разум, хотя и пытается вразумить разомлевшее сознание, но очень быстро сдается и оставляет все на волю чувств и интуиции.

Интуиция пока молчит, и я позволяю судьбе управлять происходящим.

– Угу-у-м! – утвердительно кивает Марина, одарив малышку теплой улыбкой.

На меня она старается не смотреть. А когда невзначай наши взгляды все же пересекаются, смущенно отводит и прячется за общением с Фани, как за щитом. Чуть коробит такая интонация в нашем общении. Хочу, чтобы и мне она так улыбалась.

– Держите! – Парнишка выдает мне коньки. – Приятного

катания! – желает на прощание.

Я быстро расплачиваюсь, получаю ключ от камеры хранения, и наше дружное трио заваливается в теплое помещение, где на лавочках сидят такие же любители катания, меняя привычную обувь на выданное обмундирование.

– Папочка! – окликает меня Фани, усаживаясь на скамью, и протягивает свои коньки. – Завяжешь?

– Конечно. – Сажусь перед ней на корточки и ловко снимаю зимние сапожки, проверяю, теплые ли ножки, и тут же надеваю на гномыша ботинки с полозьями.

– Помочь? – обращаюсь к Марине, как только Фани довольно взмахивает обеими ногами, уже обутыми.

– Да. – Румянец так мило заливает её щеки, что пальцы покалывает от желания пройтись по ним, проверить, настолько ли они нежны и горячи, как кажутся. – Пожалуйста, – слетает смущенно с ее пухлых губ, на которые я стараюсь не смотреть.

Еле заметно встряхиваюсь, прогоняя прочь яркие картинки непристойного характера, подкидываемые моим необузданным воображением, и радуюсь тому, что на улице зима, на мне плотные джинсы, и парка застегнута почти под горло. Иначе пошлые мысли, красноречиво проявляющиеся внушительным бугром в паху, смутили бы мою спутницу еще сильнее.

Затягиваю шнуровку на коньках, стараясь не касаться щиколотки Марины. И так дышу, словно стометровку пробе-

жал, а если я позволю себе большее, сугроб возле катка меня уже не спасет. – Готово! – поднимаюсь и прячу наши вещи в кабинку.

– Пойдем! – нетерпеливо восклицает Фани, шустро, но не очень уверенно топая к выходу.

Ловим ее в шаге от двери. Выходим вместе, держа малышку за обе руки. Она между нами, словно буфер и маленькое, беззаботно веселящееся напоминание мне о цели нашего «похода».

Покорение ледовой глади с двумя дамами только со стороны кажется заманчивой картинкой. Они беспомощно повисают на мне, словно лианы на стволе векового баобаба.

Визг, смех, падения на пятую точку и неловкие взмахи руками, чтобы удержать равновесие, а еще цепляние за бортик и разъезжающиеся в разные стороны ноги – все это и много чего еще веселого сопровождает нашу троицу, увлеченную зимней забавой.

Иногда мне удается чуть отстать от девчонок, и тогда я с воодушевлением юного фотографа щелкаю «затвором» своего телефонного фотоаппарата.

– Сотрите это немедленно! – возмущается раскрасневшаяся Мариша, заметив на экране запечатленный момент их с Фани «фееричного» проката на полметра от борта.

– Нет! – уверенно заявляю, отключая девайс и пряча его во внутренний карман куртки.

Немного обиженное смущенное сопение и прикушенная

белыми зубками пухлая нижняя губа адреналиновой дозой впрыскивают в кровь дурман безбашенности. Не раздумывая ни минуты, подхватываю Рыжулю за талию, приподнимаю и впечатываю в себя ее хрупкое тело. С испугом взвизгнув, она хватается за мои плечи, а я, залихватски отталкиваясь одной ногой, делаю шикарный прокат и несложный «пирует». Кружусь вместе с ней и дурею от необъяснимого восторга и радости, испытываемой словно впервые.

– Все! – первой из нас сдается Фани. — Хочу в кафе, – приземляется на попку, а затем падает звездочкой на лед уставший гномыш.

Переглядываемся с Мариной и единогласно решаем поддержать ребенка. До помещения, где ожидают нас запертые в кабинке вещи, дочь мне приходится нести на руках.

– Ножки очень-очень сильно устали! – жалуется она, обнимая меня за шею.

А вот до кафе топают уже сама, крепко вцепившись в ладонь Марины, словно боится, что лимит пребывания той с нами подходит к концу и она испарится так же загадочно, как и появилась. Честно? Я бы и сам последовал примеру дочери, чтобы только продлить неповторимое чувство единения, не покидающее меня с самых первых минут нашего необычного знакомства.

Помещение небольшого кафетерия сияет огоньками разноцветных гирлянд. Повсюду стоят маленькие елочки, а в воздухе витает аромат новогодних гуляний.

– Пойдем туда, – тянет нас в сторону небольшого столика взбодрившаяся малышка – там елка с зайками. – Важный аргумент в пользу выбранного места!

Раздевшись, рассевшись и заказав горячий чай и гору сладкой сдобы, мы позволяем себе отвлечься на личное. Пока дочь рисует в предоставленном ей детском наборе, состоящем из забавного блокнота и пачки карандашей, я, на время погружаюсь в виртуальный мир, разблокировав телефон, и сбрасываю Климу краткий отчет. Марина тоже что-то печатает, порхая тонкими пальчиками по дисплею своего девайса.

– Мамочка... – Сонный голосок Фани вклинивается в наше светское общение, когда чай уже выпит, а сама малышка доела последнюю плюшку, и ее осоловелые глазенки смотрят на нас растерянно. – Поехали домой. – Не вопрос – констатация почти состоявшегося факта.

– Домой? – теряется Марина.

Я заглядываю в ее глаза, ловлю озадаченный взгляд и шепчу лишь одними губами:

– Да...

Мысленно молю ее ответить согласием.

Глава 8

МАРИНА

Тепло уютного кафе, душистый травяной чай, вкусная свежеиспеченная сдоба и непринужденная болтовня нашего странного (для меня лично) трио расслабляют меня до состояния отрешенности от действительности, но слова, произнесенные доверчивым и почти сонным детским голоском, моментально выбивают почву из-под ног. И то, что я уже сижу, утонув в объятиях мягкого диванчика, спасает меня от падения. В противном случае я сейчас грохнулась бы на землю, как срезанная травинка.

– Домой... – Обычное слово, привычное для всех, звучит сейчас финальным свистком.

Конец. Занавес медленно ползет вниз, отгораживая от меня волшебную, пусть и не мою, сказку. Мне лишь на миг судьбой было позволено прикоснуться к чужому счастью, вовлечься в безумие, принимая происходящее за правду.

Но это ведь не так? Иллюзия, время которой подошло к концу.

Моментально онемев, смотрю на красивого мужчину и девчушку рядом с ним, словно фотографирую на память их образы.

Они такие непохожие. С первого взгляда даже не скажешь, что отец и дочь. Только та незримая связь, окутываю-

щая их, то, как они друг друга понимают без слов, с полунамеков, то, как относятся друг к другу, не оставляет и толики сомнения в их очень близком родстве.

А я...

Кто я?

Одинокая женщина, потерянная и потерявшая веру в искренние и бескорыстные чувства. И мне не место в их тандеме. Нельзя затягивать эту ложь. Нельзя позволять ребенку путаться в ней, словно игривый котенок в разматывшихся нитках.

Нужно ставить точку, и лучше именно сейчас, пока мы все не увязли в приятной, но все же лжи.

Вот только сердце отказывается от принятых разумом решений. Оно, несчастное, сжимается от тоски и нахлынувшей боли расставания, разочарования в быстротечности счастливых моментов.

Мир, словно по мановению волшебной палочки злобной антифеи, в считанные секунды теряет краски, звуки, вкусы, возвращая меня в пресную реальность моего существования.

– Мамочка... – Тихий и чуть испуганный голосок малышки врывается в пучину моих переживаний и скальпелем режет по оголенным нервам.

Моргаю, фокусируя поплывший взгляд на милом встревоженном личике. Большие зеленые глазищи смотрят на меня с затаенной надеждой, с той умоляющей нотой доверия,

которую страшно предать и невозможно обмануть.

Тушуюсь, не зная, как правильно ответить. В немой мольбе обращаюсь к Игнату. Ведь это и в его интересах найти правильный выход из того, что мы натворили. Но и в его карих глазах те же эмоции нескрываемого упования, четко говорящие мне, что союзника в его лице я не найду и он точно не собирается развеивать нелепость происходящего.

Мне трудно дышать, трудно мыслить, трудно просто встать и уйти, особенно, когда сидящая напротив тебя парочка напоминает бездомных щенков в лютый мороз, увязавшихся за сердобольной старушкой, пришедшей их накормить и, может, даже обогреть.

– Фани, – обращается Игнат к малышке, не сводя с меня пристального взгляда, – ты же хотела сладости домой взять, помнишь?

– Да! – переключается девчужка.

– Держи карту. – Он разрушает держащую меня в напряжении незримую связь, переключая внимание на дочь, и протягивает ей банковский пластик. – Сходи, купи, что хочется, к чаю. Только немного, хорошо?

– Да, папочка, – послушно соглашается Фани, бросает на меня вопросительный взгляд, словно надеется понять по выражению моего лица, не сбегу ли я, пока она будет отовариваться.

– Иди, – еле выдавливаю из себя и слова, и легкую улыбку-обещание.

Малышка уходит, ежесекундно оборачиваясь, посматривая на нас с настороженностью, а мы с Игнатом, два взрослых идиота, улыбаемся ей, безмолвно подбадривая и будто обещаая, что все будет хорошо.

– Останься с нами. – Голос Игната чуть срывается, царапая интонацией мою и без того истерзанную душу. – Я понимаю, что все это полный бред. – Он подается вперед, захватывая в плен мои ладони. – Что нормальные люди так не поступают, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.